

**Olivier Mongin, *Les forces de la religion et la séduction du marché,*
Traduit en russe par Ekaterina Bélavina**

Силы религий и соблазны рынка Оливье Монжен

Во избежание слепого игнорирования фактов религиозной жизни, столь типичного для французов, первые полосы этого номера мы посвятили отношениям, которые устанавливаются между религией и политикой в секуляризованной Европе, чтобы подчеркнуть новизну современной религиозной практики и обратить внимание в связи с реакцией на Регенсбургскую речь Бенедикта XVI¹ на двойной феномен: на исключительную роль ислама в Европе, а также разногласия в лоне "христианской" Европы между "кантианским" и "формалистическим" духом протестантизма и католической Церковью, авторитет которой значительно ослаб. В этом корень противоречий между борьбой за "светский характер" общества и "прославление" христианских ценностей. Но, по верному замечанию Бландины Шелини-Пон, мы живем сегодня не только под знаком "светскости" французской нации или секуляризованной Европы: планета подвергается религиозной мондиализации. И мы вынуждены мерить будущее по аршину антропологических и общественных эволюций, которые не обязательно должны совпадать с нашими исконными.

Для того, чтобы правильно оценить религиозные тенденции во всем мире, следует, прежде всего, извлечь уроки из данных статистики и демографии. Они приводят к несколько неожиданным выводам, которые приходится констатировать не без удивления. Если тенденции, наблюдаемые в Китае, подтверждает идею всемирного возобновления религиозных практик, то мировая статистика показывает (что заставляет недоумевать европейцев), что в 2050 году в мире будет преобладать не ислам, а христианство, и протестантизм одержит верх над другими его ветвями. Несколько десятилетий назад мы видели, как широко распространился ислам в Африке или в других направлениях - вспомним Черный Ислам² Венсана Монея. Следует признать, что теперь в южных странах, в Черной Африке, а также в Латинской Америке особенно активно распространяется христианство. Согласно "*Мировой христианской Энциклопедии*" (*World Christian Encyclopedia*), на сегодняшний день каждый второй житель Африки - христианин, в то время как в 1900 году эта цифра не превышала всего лишь десяти процентов. Иными словами "центрами христианства, которое будет к 2050 году религией трех четвертей человечества, будет уже не Женева, Рим, Афины, Париж, Лондон, Нью-Йорк, но Киншаса, Буэнос-Айрес, Аддис-Абеба и Манила". Следует еще добавить, чтобы осознать размах этого явления, что численное соотношение между христианами и мусульманами (2 миллиарда для 1,2 миллиард мусульман) не собирается меняться в обратную сторону.³

Но не следует останавливаться на демографических данных, необходимо задуматься о специфике мондиализации, в данном случае, о подходе бесчисленного множества евангелистских церквей, который показывает жизнеспособность и гибкость протестантизма. Вслед за журналом "*Геродот*" (*Hérodote*), который в 2005 году

опубликовал подборку материалов, озаглавленную "Евангелисты берут мир штурмом", предлагаемые нами статьи ищут причины подъема и усиления позиций церквей во всех уголках концах планеты и напоминают, что мондиализация, ни в кое мере несводимая к экономике, затрагивает также и религиозную сферу. Действительно, глобализация, как историческое явление, неотделимое от технологических сдвигов и переломов, от возникновения нового капитализма, отличного от того, чьи противоречия анализировал Маркс, и от вхождения в постиндустриальный мир⁴, представляет опасность и на политическом уровне (сокращение охвата деятельности государства?), и в вопросах самоопределения, миграций, культур и религий. Кишение евангелистских церквей (см. глоссарий, который следует за этим введением, и статьи Андре Кортана, Жюль Серафена и Руфи Маршалль) неразрывно связано с современной глобализацией. Для нее характерен массовый расцвет всевозможных религиозных орденов, а также "приватизация" (в экономике, в политике, в самоопределении), в которой принимает участие вдвойне появление маленьких церквей в Латинской Америке или в Черной Африке (церкви в духе пятидесятников, всех оттенков, от методистов до новых пятидесятников, близких к сектам или к "супермаркету веры"). Во-первых, у религиозной приватизации экономический характер, так как маленькая церковь – это малое предприятие (она может быть частью сети и связана с диаспорой), а проповедник – это бизнесмен. Но главное, что материальные блага обращенного есть дубликат того, что он духовно дает Богу: экономическое и духовное благополучие идут рука об руку. Во-вторых, эта приватизация имеет психологический характер, так как, чаще всего, харизматический пастор объединяет вокруг себя небольшой семейный род. Но символика и механизмы такой практики, чаще всего неразрывно связанной с транснациональными сетями, не ограничиваются одним протестантизмом: как показал Патрик Аэнни, даже внутри ислама, на удалении от исламизма, появляются подобные малые предприятия. Автор называет это "рыночным исламом".

Экономическое поле предоставляет для новых религиозных организаций не только конкретную поддержку на рынке, но также формирует их мышление, перефразируя ислам в терминах самореализации и добавляя в него по капле элементы протестантской этики. В результате этого обмена рождается теология, предвещающая процветание нового *muslim pride* ("гордость ислама"), которая исходит уже не из противостояния или утверждения показного пиетизма, но из достижений и духа соперничества⁵.

Но малое религиозное предприятие выполняет также общественную и медицинскую функцию, которую не берет на себя (или теперь отказывается выполнять) государство-покровитель или социальные службы. В этом контексте типовое малое предприятие евангелистского типа врачует тела, испытавшие на себе катастрофические последствия распределения мировой экономики. Недавно на этих страницах одна статья повествовала о Киншасе, о "духовном" обновлении детей-солдат, которых матери обвиняли в том, что они колдуны и пособники зла⁶. Маленькая церковь лечит тело посредством музыки, танца, страха, Слова, но все это не без насилия. Она питает также апокалипсическое видение мира, которое предвещает конец света и возможное воскрешение. Если у этих новых церквей есть история (три исторические волны по

Андре Кортану), гибкость и жизнеспособность, то распространение и развитие их идей связано с ощущением бытия в мире, где смертных ожидают бедность и телесные и душевные напасти. Нужно помогать телам, их обращать, преобразовать, заставлять поверить, что, благодаря обращению и Святому Духу, можно покончить со злом, с тем, что заставляет видеть Зло. Поэтому чуду отведено решающее место ("чудо для теологии то же самое, что чрезвычайное положение для закона").

Удивительно, что этот религиозный аспект глобализации обычно игнорируется всеми, хотя у него есть и политическое значение. Как подчеркивает Жан-Пьер Бастиан по поводу Латинской Америки, значимость этих церквей, сопровождающаяся ослаблением католической церкви и религиозной плюрализацией, которая является его следствием, меняет концепции светского характера общества и эволюцию отношений между государством и религией. Но у другого политического аспекта "глобальное" значение: тот факт, что протестантский арсенал образов парадоксальным образом разделяют американские нео-консерваторы, которых часто представляют как новых духовных властителей мира⁷. Значит, протестантская образность, имеющая силу и востребованная на рынке, не может быть представлена в виде религиозного архаизма, так как маленькие церкви во всем мире опираются на нее, на это вместилище смысла и апокалипсическое манихейство, чтобы отреагировать на ощутимые боли той болезни, вирус которой во многом распространяет Америка. При помощи рыночной религии добро и зло не перестают перебрасывать друг другу мяч во всех концах света. Вот почему особенно интересно понять, как это предлагает Николя Массон, роль американских неправительственных организаций, и в более широком смысле религиозных неправительственных организаций, которые являются одним из факторов увеличения числа маленьких церквей, обещающих спасение.

Оливье Моржен

1. См. три статьи опубликованные в «Esprit» в ноябре 2006 г.: Christian Jambet, « Les malentendus de Ratisbonne : l'islam, la volonté et l'intelligence » ; Olivier Abel, « Une division occidentale au sein du christianisme ? » ; Hervé Legrand, « Quel dialogue islamo-chrétien dans le contexte de l'élargissement de l'Europe à la Turquie ? ».

2. Vincent Monteil, *l'Islam noir*, Paris, Le Seuil, coll. « Esprit », 1980.

3. Цифры и ссылки, приведенные выше, заимствованы из превосходной подборки материалов, подготовленных Бландиной Шелини-Пон « Prospective sur la religion chrétienne à l'horizon de 2050 », dans Garrigues. *Espaces de la foi*, n° 91-92, 4e trimestre 2005.

4. См. Daniel Cohen, *Trois leçons sur la société postindustrielle*, Paris, Le Seuil/La République des idées, 2006.

5. Patrick Haenni, *l'Islam de marché*, Paris, Le Seuil/La République des idées, 2006, p. 10.

6. Filip De Boeck, « La ville de Kinshasa, une architecture du verbe », dans *Esprit*, décembre 2006. См. также книгу, быстро ставшую классической, Filip de Boeck avec Marie-Françoise Plassart, *Kinshasa. Récits de la ville invisible*, Bruxelles, Luc Pire, 2005 ; см. также совсем недавнюю публикацию Claude Wauthier, *Sectes et prophètes d'Afrique noire*, Paris, Le Seuil, 2007.

7. Этот процесс начался уже давно, см. Sébastien Fath, *Militants de la Bible aux États-Unis. Évangéliques et fondamentalistes du Sud*, Paris, Autrement, 2004. Фигура злого дьявольского проповедника является навязчивой идеей американской литературы и кино. Стоит вспомнить фильм "Элмер Гантри" с участием легендарного Берта Ланкастера в роли проповедника (Elmer Gantry режиссер Ричард Брукс, 1960) и фильм "Мудрая кровь" Джона Хьюстона (Wise blood, 1979).

Глоссарий

Собрания протестантов и пятидесятников, которые сегодня находятся на гребне волны, особенно в странах третьего мира, перенимают, каждое по-своему, черты учений, зародившихся в XVIII-XX веках, главным образом, внутри американского протестантизма.

БАПТИСТЫ - Одно из главных протестантских наименований, появившееся в XVII веке США. Они проповедуют добровольное крещение погружением в сознательном возрасте. Их объединения (называемые Церквями, ассамблеями) автономны, но объединены горизонтальными связями как религиозные братства. Настаивают на обращении и на библейской набожности.

КОНГРЕГАЦИОНАЛИСТЫ (*Congregational church*; индепенденты) – Настаивают на самостоятельности объединений и ассамблей, на праве избирать руководителей и решать свои религиозные дела, руководить жизнью группы. Очень важны для американской демократической культуры. Многие группы баптистов являются конгрегационалистами.

НАИМЕНОВАНИЯ - Как указывает название, "имена" даются различным церквям и более или менее автономным американским протестантским "культам", которые не претендуют на то, чтобы иметь в своей собственной власти благо спасения.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ (а не "евангелисты") – Протестантское движение, появившееся в конце XVIII века. Они настаивают на опыте внутреннего обращения, через которое прямо на грешника снисходит божья благодать. Согласно данным Себастьяна Фата, известного специалиста в этой области (см. *Du ghetto au réseau. Le protestantisme évangélique en France, 1800-2005*, Genève, Labor et Fides, 2005), они выдвигают четыре пункта: чтение (буквальное) Библии, Крест, личное обращение, активные социальные обязательства. Они очень динамичны и присутствуют во всех протестантских наименованиях.

МЕТОДИСТЫ - Джон Уэсли, английский учредитель методизма в XVIII веке, настаивал на личном обращении, основанном на библейском пыле и на методических средствах достижения совершенства. Методизм родился из движения "пробуждения", во главе которого стоял Уэсли. Это направление стало одной из Больших американских Церквей, в настоящее время оно теряет силу, как все "большие американские церкви", слишком либеральные в свете недавних фундаменталистских движений.

ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ - в современном французском языке это слово означает радикализм разного рода, главным образом, религиозный (это почти синоним "интегрисов"). До недавнего времени фундаменталистами считались верующие (протестанты), практикующие "буквальное" чтение Библии. Буквальное чтение, которое, по мнению С. Фата, часто коснеет в протестантских движениях (евангельские христиане,

пятидесятники), в смысле строгой ортодоксии, делается упор на непогрешимость Библии и на учения "премиллениариев" (ответвление миллениариев, которое проповедует приближающуюся гибель и спасение благодаря близкому новому пришествию Христа).

ПЯТИДЕСЯТНИКИ – Для появившихся в начале XX-ого века пятидесятников основной библейской опорой является текст Деяний святых Апостолов (глава II), рассказывающий о сошествии Святого Духа на Апостолов, находившихся в унынии после смерти Христа. Пятидесятники проповедуют сошествие Святого Духа, который преобразует, исцеляет и спасает того, кто его получает. Они придают особую важность дарам божьим (дары Святого Духа, такие как пророчество, проповедование и т.д.), воодушевлению, которое Святой Дух производит в собраниях верующих, чудесам исцеления, которые что он может произвести. Широкое распространение пятидесятничества ярко заметно на протяжении нескольких десятилетий, и затрагивает все церкви (в том числе и католическую церковь, под именем "бог вдохновенного возобновления").

ПИЕТИСТЫ - духовное движение, основанное в конце XVII века эльзасцем Филиппом Якобом Спенером как ответ на рационализацию и сухость лютеранской духовности и теологии. Он отводит особое место усердию, чувствам и созиданию, которые должны присутствовать в молитве и в жизни общины. Пиетизм оказал сильное влияние на дальнейшие протестантские движения.

ПУРИТАНИЗМ - Кальвинистское движение "очищения" Реформы, зародившееся в Англии в XVI веке и распространившееся, главным образом, в США. Особое значение придается самостоятельности и авторитету Библии, выдвигаются требования духовной строгости и суровые моральные нормы, которые создали современный образ пуританизма.

Revue des revues, sélection de décembre 2007

Olivier Mongin : « Puissances de la foi, séductions du marché »
article publié initialement dans *Esprit*, mars-avril 2007.

Traducteurs :

Anglais : Vandana Kawlra
Arabe : Selmane Ayache
Chinois : Yan Suwei
Espagnol : Eréndira Reyes
Russe : Ekaterina Belavina

Droits :

© Olivier Mongin pour la version française
© Vandana Kawlra /CEDUST de New Delhi
© Selmane Ayache /Bureau du Livre de l'Ambassade de France en Algérie pour la version arabe
© Yan Suwei /Centre culturel français de Pékin pour la version chinoise
© Eréndira Reyes /Institut français d'Amérique latine pour la version espagnole
© Ekaterina Belavina /Centre culturel français de Moscou pour la version russe